

**Для жюри муниципального этапа Всероссийской олимпиады
школьников по литературе 11 класс**

(2021–2022 учебный год)

Задание 1

Творческое задание

Проведите журналистское расследование, интерпретируя стихотворение-загадку А.Вознесенского «E.W.», в котором содержится версия пушкинского мифа. Используя тайные знаки, рассыпанные в стихотворении, реконструируйте историю отношений между А.С. Пушкиным и Е.К.Воронцовой, одну из самых романтических и одновременно загадочных, которая послужила основой для создания поэтических текстов.

Журналистское расследование представляет собой жанр, основанный на изучении каких-либо тайн, в данном случае это расследование истории отношений. Журналистское расследование имеет следующую структуру: в вводной части называется (обозначается) проблема, которой посвящена статья, в основной части раскрывается ваша версия происшедшего и даётся интерпретация событий. Части статьи соответствуют определённым этапам расследования и представляют собой доводы (факты), подтверждающие точку зрения. В конце статьи делается заключение всему сказанному.

NB. Особенностью журналистского расследования является то, что оно должно строиться на достоверных фактах.

Материалом для журналистского расследования будут служить:

- Стихотворение - анаграмма А. Вознесенского;
- Стихотворения А.С. Пушкина;
- Письмо А. С. Пушкина к К. Воронцовой;
- Исследования историка литературы М.О. Гершензона.

Задание. Пользуясь предложенными материалами, проведите журналистское расследование, расшифруйте загадку и изложите свою версию высших отношений (любви) поэта.

Стихотворение - анаграмма А. Вознесенского

Примечание. Анаграмма – перестановка букв, посредством которой из одного слова составляется другое. В стихотворении повторяющееся рефреном слово «Вобюлиманс» читается с конца и обозначает «с нами любовь».

Е. W.

Как заклинание псалма,
безумец, по полю несясь,
твердил он подпись из письма:
"Wobulimans" *– "Вобюлиманс".

"Родной! Прошло осьмнадцать лет,
у нашей дочери – роман.
Сожги мой почерк и пакет.
С нами любовь. Вобюлиманс.
P.S. Не удался пасьянс".

Мелькнет трфовый силуэт
головки с буклями с боков.
И промахнется пистолет.
Вобюлиманс – С нами любовь.

Но жизнь идет наоборот.
Мигает с плахи Емельян.
И всё Россия не поймет:
С нами любовь – Вобюлиманс.

1977г.

В 1977 году А. Вознесенский написал стихотворение - анаграмму «Е. W.», в котором зашифрована тайна отношений А.С. Пушкина и Е.К. Воронцовой. В стихотворении со сложным метафорическим сюжетом образ великого поэта многогранен. В нём Пушкин – и тайный возлюбленный жены генерал-губернатора Одессы графа Воронцова Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой, и получатель письма, и участник дуэли, и русский поэт, и создатель романа о восстании Пугачёва. В стихотворении встречаются и другие «лица»: это автор письма, дочь, Емельян, «трфовый силуэт»... Последний образ, вызывающий в сознании ещё один карточный образ –

Пиковую Даму, вводит в стихотворение мотив рока, предопределённости судьбы: «Не удался пасьянс».

Вознесенский предлагает своё толкование пушкинского мифа, его волнует не только частная история отношений, он показывает гениального поэта в единстве жизни и творчества.

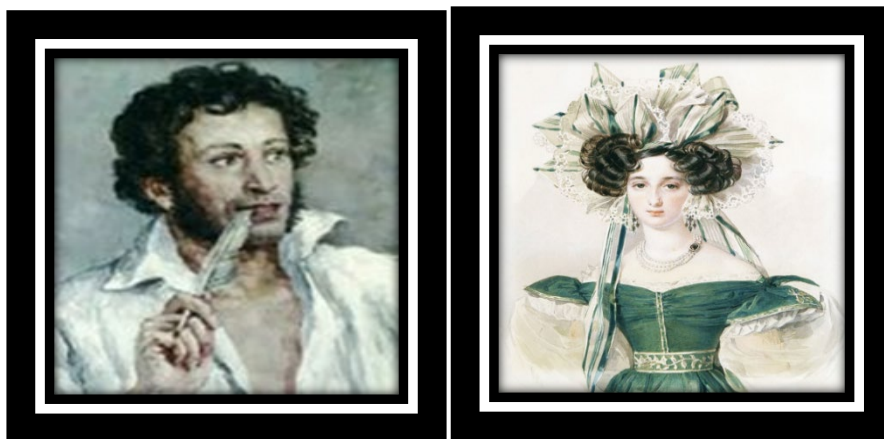

Рисунок А.С. Пушкина, изображающий Е.К. Воронцову
(одно из 30 изображений, выполненных А.С. Пушкиным)

2. Факты, связанные с пребыванием А.С. Пушкина в Одессе

Знакомство А.С. Пушкина, уже известного поэта, набирающего силу, и Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой, жены генерал-губернатора Одессы, произошло в одесский период жизни А.С. Пушкина (июль 1823–август 1824). Е. К. Воронцова подарит Пушкину сердоликовый перстень-печатку, который он будет считать своим талисманом и до конца дней не снимет с руки. В свою очередь А.С.Пушкин посвятит Воронцовой стихотворения, ставшие образцами любовной лирики. («Талисман», «Храни меня, мой талисман», «Сожжённое письмо», «Желанье славы» и др.).

Их отношения стали для поэта своего рода школой высокого чувства любви. Переписка между Е.К. Воронцовой и А. С. Пушкиным продолжится и после того, как он будет выслан в Михайловское.

Ссылка в Михайловское, куда поэт отправится в 1824 году, во многом была связана и с обвинением в вольнодумстве, и со «склонностью к атеизму». Немалую роль в замене ссылки в Одессе на ссылку в Михайловское сыграли письма ко двору генерал-губернатора Одессы М.С. Воронцова, в которых раздражённый чиновник обращался с просьбой «освободить» его от Пушкина.

3. Стихотворения А.С. Пушкина, происхождение которых исследователи связывают с именем Е.К. Воронцовой

«Сожженное письмо»

Прощай, письмо любви! прощай: она велела.
Как долго медлил я! как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои!..
Но полно, час настал. Гори, письмо любви.
Готов я; ничему душа моя не внемлет.
Уж пламя жадное листы твои приемлет...
Минуту!.. вспыхнули! пылают — легкий дым
Виясь, теряется с молением моим.
Уж перстня верного утрата впечатленье,
Растопленный сургуч кипит... О провиденье!
Свершилось! Темные свернулись листы;
На легком пепле их заветные черты
Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел милый,
Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной груди...
1825г.

«Храни меня мой талисман»

Храни меня, мой талисман,
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан.

Когда подымет океан
Вокруг меня валы ревучи,
Когда грозою грянут тучи —
Храни меня, мой талисман.

В уединенье чуждых стран,
На лоне скучного покоя,

В тревоге пламенного боя
Храни меня, мой талисман.

Священный сладостный обман,
Души волшебное светило...
Оно сокрылось, изменило...
Храни меня, мой талисман.

Пусть же ввек сердечных ран
Не растравит воспоминанье.
Прощай, надежда; спи, желанье;
Храни меня, мой талисман.

1825 г.

«Желанье славы»

Когда, любовью и негой упоенный,
Безмолвно пред тобой коленопреклоненный,
Я на тебя глядел и думал: ты моя, —
Ты знаешь, милая, желал ли славы я;
Ты знаешь: удален от ветреного света,
Скучая суетным прозванием поэта,
Устав от долгих бурь, я вовсе не внимал
Жужжанью дальному упреков и похвал.
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонив ко мне томительные взоры
И руку на главу мне тихо наложив,
Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастлив?
Другую, как меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой друг, меня не позабудешь?
А я стесненное молчание хранил,
Я наслаждением весь полон был, я мнил,
Что нет грядущего, что грозный день разлуки
Не придет никогда... И что же? Слезы, муки,
Измены, клевета, всё на главу мою
Обрушилось вдруг... Что я, где я? Стою,
Как путник, молнией постигнутый в пустыне,
И все передо мной затмилось! И ныне
Я новым для меня желанием томим:
Желаю славы я, чтоб именем моим
Твой слух был поражен всечасно, чтоб ты мною
Окружена была, чтоб громкою молвою
Все, все вокруг тебя звучало обо мне,
Чтоб, гласу верному внимая в тишине,
Ты помнила мои последние моленья
В саду, во тьме ночной, в минуту разлученья.

1825г.

«Талисман»

Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы,
Где, в гаремах наслаждаясь,
Дни проводит мусульман,
Там волшебница, ласкаясь,
Мне вручила талисман.
И, ласкаясь, говорила:
«Сохрани мой талисман:
В нем таинственная сила!
Он тебе любовью дан.
От недуга, от могилы,
В бурю, в грозный ураган,
Головы твоей, мой милый,
Не спасет мой талисман.
И богатствами Востока
Он тебя не одарит,
И поклонников пророка
Он тебе не покорит;
И тебя на лоно друга,
От печальных чуждых стран,
В край родной на север с юга
Не умчит мой талисман...
Но когда коварны очи
Очаруют вдруг тебя,
Иль уста во мраке ночи
Поцелуют не любя —
Милый друг! от преступленья,
От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман!»

1827г.

3.Письмо А.С. Пушкина к Е.К. Воронцовой (написано по- французски).
Это ответ на письмо Е.К. Воронцовой, в котором она просила поэта принять участие в пожертвованиях бедным.

1.Графиня,

Вот несколько сцен из трагедии, которую я имел намерение написать. Я хотел положить к вашим ногам что-либо менее несовершенное; к несчастью, я уже распорядился всеми моими

рукописями, но предпочел провиниться перед публикой, чем послушаться ваших приказаний.

Осмелюсь ли, графиня, сказать вам о том мгновении счастья, которое я испытал, получив ваше письмо, при одной мысли, что вы не совсем забыли самого преданного из ваших рабов?

Остаюсь с уважением, графиня, вашим нижайшим и покорнейшим слугой

Александр Пушкин.

5 марта 1834.

Петербург. (*Франц.*)

Примечания

Ответ на письмо Е. К. Воронцовой из Одессы от 26 декабря 1833 г. Какое свое произведение послал Пушкин для альманаха «Подарок бедным» — неизвестно.

4. Исследования историка литературы М.О. Гершензона

Версия историка литературы М.О. Гершензона

Пушкин и графиня Е.К. Воронцова (отрывок)

Обстоятельства, результатом которых явилась высылка Пушкина из Одессы на родину в июле 1824 года, остаются до сих пор невыясненными. В этой истории несомненно есть какое-то темное место. Факты нам известные: оскорбительное отношение Воронцова к Пушкину и взаимная антипатия между ними – объясняют не все. Есть достаточно оснований думать, что острая ненависть к Пушкину, заставившая надменного и выдержанного «лорда» унизиться до жалкой мести человеку, стоявшему так неизмеримо ниже его по общественному положению, была вызвана каким-то личным столкновением между ними на интимной почве. Эта уверенность заставляет отвести данному эпизоду видное место не только во внешней биографии Пушкина, но и во всей истории его душевной жизни. Тем важнее разобраться в обстоятельствах этого дела.

В пушкинской литературе прочно установилось мнение, что причиной высылки Пушкина из Одессы была ревность, возбужденная в Воронцове отношениями поэта к его жене, графине Елизавете Ксаверьевне Воронцовой. Считается доказанным, что Пушкин во вторую половину своего пребывания в Одессе, приблизительно с конца 1823 года (т.е. после отъезда Ризнич), полюбил Воронцову и пользовался ее взаимностью. Большинство биографов думает даже, что чувство, внушенное Пушкину Воронцовой, и было той единой, сильнейшей любовью Пушкина, которая, начиная с одесского времени, не покидала его всю жизнь и которую он так тщательно скрывал. Насколько справедливы эти два утверждения ?

.....

Пушкин несомненно был влюблен в Воронцову, но повторяю, мы ничего не знаем об этом, кроме голого факта. Имя Воронцовой фигурирует в "дон-жуанском" списке – вот и все. Это еще ничего не говорит ни о продолжительности, ни о характере этой любви. В этом списке много имен; рядом с женщинами, которых Пушкин любил глубоко и долго, здесь отмечены и героини его мимолетных увлечений, вероятно вовсе не увенчанных взаимностью. Но биографы и здесь не отступились. Стремление "округлить" эпизод, разработать голый факт в полную романтическую историю, породило целый ряд догадок, со временем превратившихся в факты, о которых более не спорят. В 1825 году Пушкин в Михайловском написал стихотворение "Сожженное письмо" ("Прощай, письмо любви, прощай! Она велела..."). А сестра Пушкина рассказывала Анненкову, что когда получалось из *Одессы* письмо с печатью, носившей точно такие же каббалистические знаки, какие были на перстне ее брата, Пушкин запирался у себя в комнате и никого не пускал к себе. Этот перстень Пушкину подарила Воронцова; отсюда заключили, что письма из Одессы были от Воронцовой. Это повторяют все биографы до П. Е. Щеголева включительно {См. указ. статью, стр. 311--312.}, и в любом издании сочинений Пушкина можно найти указание, что стихотворение "Сожженное письмо" относится к Воронцовой, а в монументальном Венгеровском издании эта пьеса для большей ясности даже сопровождается портретом Воронцовой. Нужна весьма малая острота ума, чтобы понять нелепость этой басни. Есть ли малейшая вероятность, что графиня Воронцова имела два одинаковых перстня с *древне-еврейской* надписью: "Симха, сын почтенного рабби Иосифа старца, да будет его память благословенна", или что прежде чем подарить перстень Пушкину, она заказала себе дубликат? Правда, в стихотворении упоминается перстень:

Уж перстня верного утрата впечатленье,
Растопленный сургуч кипит...

Но в те времена *все* запечатывали письма сургучной печатью, и множество людей – именно печатью, вырезанной на перстне, как это сплошь и рядом можно видеть на письмах 20-х – 30-х годов.

Итак, безусловно отвергая легенду, я считаю возможным – исключительно на основании "дон-жуанского" списка – утверждать только то, что Пушкин, долго ли, коротко ли, был влюблен в графиню Воронцову. Существование каких-нибудь интимных отношений между ними приходится решительно отвергнуть, хотя бы уже на том основании, что такие отношения не могли бы ускользнуть от ревнивых взоров А.Раевского, безумно любившего Воронцову и близкого к ней по-родственному; результатом их была бы неизбежно жестокая ненависть Раевского к Пушкину, чего мы в действительности не видим и тени. Эти соображения заставляют отрицать всякую законность за приурочением к Воронцовой каких бы то ни было стихотворений Пушкина, в особенности тех, где есть намек на обоюдную

страсть. Г. Щеголев относит к Воронцовой четыре пьесы. Об одной из них – "Сожженное письмо" – мы уже говорили. Другое, "Ненастный день потух", написанное осенью, вероятно 1824 г., рисует пейзаж несомненно не одесский, а крымский: ни один человек, выдавший одесское взморье, не усомнится в этом, ибо там нет ни "гор", ни "берегов, потопленных шумящими волнами", и, конечно, не вид с дачи Рено рисуют эти строки:

Там море движется роскошной пеленой
Под голубыми небесами.

Задание 2

Аналитическое задание

Проза

В.В. Набоков

«Порт»

В низкой парикмахерской пахло прелыми розами. Жарко и тяжело жужжали мухи. Солнце лужами топленого меда горело на полу, щипало блеском флаконы, сквозило сквозь долгую занавеску в дверях: занавеска--глиняные бусы да трубочки из бамбука, попеременно нанизанные на частые шнуры – рассыпчато позвякивала и переливалась, когда кто-нибудь, входя, плечом ее откидывал. Перед собой, в тускловатом стекле, Никитин видел свое загорелое лицо, лепные пряди ярких волос, сверканье ножниц, стрекотавших над ухом, – и глаза его были внимательны и строги, как это всегда бывает, когда смотришься в зеркало. Накануне он приехал из Константинополя, где жить стало невтерпеж, в этот древний южно-французский порт; утром заходил в русское консульство, в бюро труда, бродил по городу, узкими улочками сползающему к морю, устал, разомлел и теперь зашел постричься, освежить голову. Пол вокруг стула был уже усыпан яркими мышками, – обрезками волос. Парикмахер набрал в ладонь жидкого мыла. Вкусный холодок прошел по макушке, пальцы крепко втирали густую пену, – а потом грянул ледяной душ, екнуло сердце, мохнатое полотенце заработало по лицу, по мокрым волосам.

Плечом пробив волнистый дождь занавески, Никитин вышел в покатый переулок. Правая сторона была в тени, по левой в жарком сиянии дрожал

вдоль панели узкий ручей, девочка, черноволосая, беззубая, в смуглых веснушках, ловила звонким ведром сверкавшую струю; и ручей, и солнце, и фиолетовая тень,-- все текло, скользило вниз, к морю: еще шаг, и там, в глубине, между стен, выросстал его плотный сапфировый блеск. По теневой стороне шли редкие прохожие. Попался навстречу негр в колониальной форме,-лицо, как мокрая галоша. На тротуаре стоял соломенный стул, с сидения мягко спрыгнула кошка. Медный провансальский голос затараторил где-то в окне. Стукнул зеленый ставень. На лотке, среди лиловых моллюсков, пахнувших морской травой, шероховатым золотом отливали лимоны.

Сойдя к морю, Никитин с волнением поглядел на его густую синеву, переходившую вдаль в ослепительную серебристость,-- на световую рябь, нежно игравшую по белому борту яхты,-- и потом, пошатываясь от зноя, пошел разыскивать русский ресторанчик, адрес которого он приметил на стене в консульстве,

В ресторанчике, как и в парикмахерской, было жарко, грязновато. В глубине, на широкой стойке, сквозили закуски и фрукты в волнах сизой кисеи, прикрывавшей их. Никитин сел, расправил плечи: рубашка прилипла к спине. За соседним столиком сидели двое русских, видимо, матросы с французского судна, а поодаль одинокий старичок в золотых очках, чмокая и посасывая, лакал с ложки борщ, Хозяйка, вытирая полотенцем пухлые руки, материнским взглядом окинула вошедшего. Два лохматых щенка, лопоча лапками, валялись на полу; Никитин свистнул; старая облезлая сука с зеленой слизью в углах ласковых глаз положила морду к нему на колени.

Один из моряков обратился к нему, сдержанно и неторопливо:

— Отгоните. Блох напустит.

Никитин потрепал собаку по голове, поднял сияющие глаза.

— Этого, знаете, не боюсь... Константинополь... Бараки... Что вы думаете...

— Недавно прибыли? – спросил моряк. Голос -- ровный. Сетка вместо рубашки. Весь прохладный, ловкий. Темные волосы отчетливо сзади

подстрижены. Чистый лоб. Общий вид порядочности и спокойствия. -- Вчера вечером,-- отвечал Никитин. От борща, от черного огненного вина он еще больше вспотел. Хотелось смирно сидеть, тихо беседовать. В пройму двери вливалось яркое солнце, трепет и блеск переулочного ручейка,-- и поблескивали очки у русского старичка, сидевшего в углу, под газовым счетчиком.

— Работы ищите? -- спросил второй матрос, пожилой, голубоглазый, с бледными, моржовыми усами, но тоже весь отчетливый, чистый, отшлифованный солнцем и соленым ветром. Никитин улыбнулся:

— Еще бы... Вот был сегодня в бюро труда... Предлагают сажать телеграфные столбы, вить канаты, да вот не знаю...

— А вы к нам, — проговорил черноволосый, — кочегаром, что ли. Это, скажу вам, дело... А, Ляля... Наше вам с кисточкой!

Вошла барышня, в белой шляпе, с некрасивым нежным лицом, прошла между столиков, улыбнулась сперва собачкам, потом морякам. Никитин спросил что-то и забыл свой вопрос, глядя на девушку, на движение ее низких бедер, по которым всегда можно узнать русскую барышню. Хозяйка нежно взглянула на дочь, устала, мол, просидела все утро в конторе, а не то в магазине служит. Было в ней что-то трогательное, уездное, хотелось думать о фиалочном мыле, о дачном полустанке в березовом лесу. Конечно, за дверью никакой Франции нет. Кисейные движения. Солнечная чепуха.

— Нет, это вовсе не сложно, — говорил моряк, — бывает так: железная бадья, угольная яма. Подгребаете, значит. Сперва легко,— пока уголь скатом: сам в бадью сыплется; потом тяжелее. Наполните бадью, ставите ее на тележку. Подкатываете к старшему кочегару. Тот ударом лопаты — раз! — отпахивает печь,— два!— той же лопатой бросает, знаете, широко, веером, чтобы ровно лег. Работа тонкая. Изволь следить за стрелкой, а если понизится давление...

В окне с улицы появились голова и плечи человека в панаме и белом пиджаке. -- Как изволите поживать, Ляля? Облокотился о подоконник.

— Да-да, конечно, жарко, так и пышит. Работать нужно в одних штанах да в сетке. Сетка потом черная. А вот я говорил,-о давлении-то. В печи, значит, образуется накипь, каменная кора, разбиваешь атакой длинной кочергой. Трудно. Зато как потом выскочишь на палубу — солнце, хоть и тропическое, а кажется свежим,— да встанешь под душ, да шмыг к себе в кубрик, в гамак, — благодать, доложу я вам... Тем временем у окна:

— А он, понимаете, утверждает, что видел меня в автомобиле!

Голос у Ляли был высокий, взволнованный. Ее собеседник, белый господин, стоял, облокотясь с внешней стороны подоконника, и в квадрате окна были видны его круглые плечи, бритое мягкое лицо, наполовину освещенное солнцем: русский, которому повезло.

— Вы еще, говорит, были в сиреновом платье, а у меня и нет такого,— взвизгнула Ляля,— а он настаивает: "же вузасюр".

— Нельзя ли по-русски,— обернулся моряк, говоривший с Никитиным. Человек в окне сказал: -- А я, Ляля, достал эти ноты. Помните? Так и пахло,— почти нарочито, словно кто-то забавлялся тем, что выдумывает эту барышню, этот разговор, этот русский ресторанчик в чужеземном порту,- - пахло нежностью русских захолустных будней, и сразу, по чудному и тайному сочетанию мысли, мир показался еще шире, захотелось плыть по морям, входить в баснословные заливы, везде подслушивать чужие души.

— Вы спрашиваете, какой рейс? Индокитай,— так просто сказал моряк.

Никитин задумчиво застучал папиросой о портсигар; на деревянной крышке выжжен золотой орел. — Хорошо, должно быть. — А что? Конечно, хорошо.

— Ну, расскажите что-нибудь. Ну, про Шанхай, про Колombo.

— Шанхай? Видел. Теплый дождик, красный песочек. Сыро, как в оранжерее. А на Цейлон, например, не попал; вахта, знаете... Моя была очередь...

Человек в белом пиджаке, согнув плечи, через окно говорил Ляле что-то, тихо и значительно. Она слушала, набок склонив голову, одной рукой

потрагивая завернувшееся ухо собаки. Собака, выпустив огненно-розовый язык, радостно и быстро дыша, глядела в солнечный просвет двери, верно, раздумывая, стоит ли еще полежать на горячем пороге. И казалось, что собака думает по-русски. Никитин спросил: -- Куда же мне обратиться?

Моряк подмигнул приятелю: уломал, дескать. Затем сказал:

— Очень просто. Завтра пораньше пойдете в старый порт, у второго мола найдете наш "Жан-Бар". Вот и поговорите с помощником капитана. Думаю, что наймет.

Никитин внимательно и ясно посмотрел на чистый, умный лоб моряка.

— Чем вы были раньше, — в России?

Тот пожал плечами, усмехнулся.

— Чем? Дураком, — басом ответил за него вислоусый.

Погодя оба встали. Молодой вынул бумажник, заткнутый в штаны спереди под пряжку пояса, на манер французских матросов. Чему-то высоко засмеялась Ляля, подошедшая к ним, подала руку: ладонь, верно, чуть сырая, Копошились щенки на полу. Человек, стоявший за окном, отвернулся, рассеянно и нежно посвистывая. И Никитин, рассчитавшись, неспешно вышел на солнце.

Было часов пять пополудни. На синеву моря в пролетах переулков больно было смотреть. Пылали круговые щиты уличных уборных.

Он вернулся в свою убогую гостиницу,-- и, медленно заломив руки, в блаженном солнечном опьянении свалился навзничь на постель. Ему приснилось, что он снова офицер, идет по крымскому косоугору, поросшему молочаем и дубовым кустарником,-- и на ходу стеклом скашивает пушистые головки чертополоха. Он проснулся оттого, что во сне засмеялся: проснулся, а в окне уже синели сумерки.

Подумал, высунувшись в прохладную бездну: бродят женщины. Среди них есть русские. Какая большая звезда.

Пригладил волосы, потер концом одеяла пыльные шишковатые носки сапог, заглянул в кошелек, — пять франков всего, — и опять вышел

блуждать, наслаждаться своей одинокой праздностью.

Теперь на улице было люднее, чем днем. Вдоль переулков, спускавшихся к морю, сидели, прохлаждались. Девушка в платке с блестками... Вскинула ресницы... Пузатый лавочник в расстегнутом жилете курил, сидя верхом на соломенном стуле, локтями опираясь на спинку, — и спереди на животе торчал хлястик рубашки. Дети, попрыгивая на корточках, пускали при свете фонаря бумажные лодочки по черной струе, бегущей вдоль узкой панели. Пахло рыбой и вином. Из матросских кабаков, горевших желтым блеском, неслись трудные звуки шарманки, стук ладоней об стол, металлический возглас. А в верхней части города, по главному бульвару, под облаками акаций, шаркали и посмеивались вечерние толпы, мелькали тонкие лодыжки женщин, белые башмаки морских офицеров. Тут и там, словно цветистый огонь застывшего фейерверка, пылало в лиловом сумраке кафе: круглые столики прямо на тротуаре, тени черных платанов на освещенном изнутри полосатом навесе. Никитин остановился, представив себе мысленно кружку пива, ледяную, тяжелую. В глубине за столиками, как руки, заламывались звуки скрипки, и густым звоном переливалась арфа. Чем банальней музыка, тем ближе она к сердцу.

У крайнего столика сидела женщина, вся в зеленом, усталая, гулящая, покачивала острым носком башмака,

"Выпью, — решил Никитин, — нет, не выпью... А впрочем..."

У женщины были глаза, как у куклы. Что-то было очень знакомое в этих глазах, в длинной линии ноги. Подхватив сумку, она встала, словно торопилась куда-то. На ней была длинная кофточка изумрудной шелковой вязки, низко обхватывавшая бедра. Прошла, шурясь от музыки.

"Вот было бы странно, — подумал Никитин. В памяти у него пронеслось что-то, как сорвавшаяся звезда, — и забыв о пиве, он завернул следом за ней в черный, блестящий переулок. Фонарь вытянул ее тень. Тень мелькнула по стене, перегнулась. Она шла тихо, и Никитин сдерживал шаг, почему-то боясь ее догнать. — Но ведь это несомненно так... Боже мой, как хорошо..."

Женщина остановилась на краю панели. Над черной дверью горела малиновая лампочка. Никитин прошел вперед, вернулся, обошел женщину кругом, стал. Она с воркующим смешком кинула ласковое французское словцо.

При смутном свете Никитин видел ее миловидное, усталое лицо, влажный блеск мелких зубов.

-- Послушайте, – сказал он по-русски просто и тихо. – Ведь мы давно знакомы, давайте уж говорить на родном языке.

Она подняла брови:

– Инглиш? Юспик инглиш?

Никитин пристально глянул, повторил несколько беспомощно:

– Оставьте. Ведь я знаю.

– T'espolonais, alors? – спросила женщина, по-южному раскатывая последний рокочущий слог.

Никитин сдался, усмехнулся, сунул ей в руку пятифранковую бумажку и, быстро повернувшись, стал переходить покатую площадь. Через мгновение он услышал за собой поспешный шаг, дыханье, шорох платья. Обернулся. Никого. Пустая, темная площадь. Ночной ветер гнал по плитам газетный лист.

Он вздохнул, усмехнулся опять, глубоко засунул кулаки в карманы штанов, – и глядя на звезды, которые вспыхивали и бледнели, словно их раздували гигантские меха, стал спускаться к морю.

Там, над лунным плавным колыханьем волн, на каменной грани старинной пристани, он сел, свесил ноги и так сидел долго, откинув лицо и опираясь на ладони назад отогнутых рук.

Прокатилась падучая звезда с неожиданностью сердечного перебоя. Сильный и чистый порыв ветра прошел по его волосам, побледневшим в ночном сиянии.

1924 год

Примечание

Владимир Владимирович Набоков (1899–1977гг.). Русско-американский писатель. Его творчество сложилось в эмиграции, куда после революции выехала семья. В основе его новаторской повествовательной техники лежит принцип варьирования лейтмотивов, складывающихся в изящные «тематические узоры»; утончённой игры с читательскими ожиданиями, парадоксальные развязки, введение противоречащих друг другу субъективных точек зрения. В произведениях воссоздаётся атмосфера зыбкости. «Другой мир» переплетается с темой мимолётного переживания. Прозу отличает острота видения мира в сочетании с умением руководить зрительными впечатлениями.

Опорные вопросы

1. *Где происходят события, описываемые в рассказе «Порт»?*
2. *Каков смысл названия рассказа?*
3. *Что известно о прошлом героя рассказа Никитина?*
4. *Какие изменения происходят с Никитиным на протяжении рассказа?*
5. *Какими средствами писатель воссоздаёт в рассказе «русский мир»?*
6. *В чём особенность повествовательной манеры автора?*

Поэзия

Анализ стихотворения

Линор Горалик

«Как в норе лежали они с волчком...»

Как в норе лежали они с волчком, -
зайчик на боку, а волчок ничком, -
а над небом звездочка восходила.
Зайчик гладил волчка, говорил: "Пора",
а волчок бурчал, - мол, пойдём с утра, -
словно это была игра,
словно ничего не происходило, -
словно вовсе звездочка не всходила.

Им пора бы вставать, собирать дары –

и брести чащобами декабря,
и ронять короны в его снега,
слепнуть от пурги и жевать цингу,
и нести свои души к иным берегам,
по ночам вмерзая друг в друга
(так бы здесь Иордан вмерзал в берега),
укрываться снегом и пить снега, -
потому лишь, что это происходило:
потому что над небом звездочка восходила.

Но они всё лежали, к бочку бочок:
зайчик бодрствовал, крепко спал волчок,

и над сном его звездочка восходила, -
и во сне его мучила, изводила, -
и во сне к себе уводила:
шел волчок пешком, зайчик спал верхом
и во сне обо всем говорил с волчком:
"Се," - говорил он, - "и адских нор глубина
рядом с тобой не пугает меня.
И на что мне Его дары,
когда здесь, в норе,
я лежу меж твоих ушей?
И на что мне заботиться о душе?
Меж твоих зубов нет бессмертной моей души».

Так они лежали, и их короны лежали,
и они прядали ушами, надеялись и не дышали,
никуда не шли, ничего не несли, никого не провозглашали
и мечтали, чтоб время не проходило,
чтобы ничего не происходило, -
но над небом звездочка восходила.

Но проклятая звездочка восходила.

2007 год

1.Примечание

1.Река Иордан – священная река, место Крещения Христа

2.Звёздочка восходила (видимо, речь идёт о Вифлеемской звезде) – звезда,
взошедшая в день рождения Христа.

3.«Собирать дары» – это значит исполнять своё высшее предназначение.

2 .Примечание

Линор Горалик (Юлия Борисовна Горалик) родилась в 1975 году – писатель поэт журналист. Горалик-лирик показывает героев, охваченных острым и сильным всепоглощающим чувством. «Как всякий настоящий поэт, Линор Горалик в окружающей реальности находит её тайные, прекрасные и ужасные слои – так что вскоре мы все догадаемся, в каком дивном городе живём».

Опорные вопросы

1. К какой смене ролей, масок и функции образов приводит приём «перевёртыша», используемый автором в стихотворении?
2. Какую функцию выполняют местоимения для передачи всепоглощающих чувств нежности и неоспоримой взаимной привязанности зайчика и волчка?
3. Какие образы стихотворения, имеющие христианскую коннотацию, напоминают героям о высшем предназначении, о необходимости думать и беспокоиться о своей бессмертной душе.
4. Как, используя аллитерацию, автор передаёт внутреннюю напряжённость борьбы живого существа и времени, по законам которого он существует?
5. Какое звучание приобретает стихотворение благодаря использованию трёхстишья (терцита)?
6. Роль тройной рифмы (триплета: «Пора – утра – игра; восходила – изводила – уводила).
7. Какую функцию выполняет акцентный стих (6 ударений в строке)?
8. Какова коллизия стихотворения?

Критерии оценивания творческого задания

Задание требует навыков работы с текстами разных жанров, умения систематизировать, оценивать литературный, биографический и литературоведческий материал и создавать свою убедительную версию событий. Выполнение задания предполагает включение творческих умений по составлению текста журналистского расследования, написанного в форме статьи на основании предложенного материала и имеющихся у вас знаний по данному вопросу. Важным представляется умение обосновывать свою позицию, выявлять последовательность и закономерность событийного ряда, который вы выстраиваете, опираясь на источники разного рода.

Рекомендуемое количество баллов – **20 баллов**

Распределить их можно следующим образом:

1. Написать текст журналистского расследования в форме статьи на основании предложенного материала, убедительно обосновать свою точку зрения, опираясь на предложенные материалы, привлекая знания, имеющиеся у вас – **максимально –10 баллов.**
2. Создать убедительную версию происшедшего на основании правильного подбора аргументов для доказательства тезиса (своей точки зрения) – **максимально –7 баллов.**
3. Точность, правильность, выразительность речевого оформления – **максимально 3 балла.**

Наибольшее значение при оценке работы будут иметь целостность высказывания и соответствие жанру журналистского расследования, т.е. умения выстроить и доказать версию происшедшего с помощью точно подобранных аргументов, подтверждающих тезис.

Задание 2

Аналитическое задание

Максимальный балл за выполнение задания – **70 баллов.**

Произведите целостный анализ поэтического или прозаического текста. **Вы можете опираться на данные после него вопросы или выбрать собственный путь анализа. Работа должна представлять собой цельный, связный завершённый текст.**

Критерии оценивания аналитического задания

С целью снижения субъективности при оценивании работ предлагается ориентироваться на ту шкалу оценок, которая прилагается к каждому критерию. Она соответствует привычной для российского учителя четырёхбалльной системе: первая оценка – условная «двойка», вторая –

условная «тройка», третья – условная «четвёрка», четвёртая – условная «пятерка». Баллы, находящиеся между оценками, соответствуют условным «плюсам» и «минусам» в традиционной школьной системе. Пример использования шкалы. При оценивании работы по первому критерию ученик в целом понимает текст, толкует его адекватно, делает верные наблюдения, но часть смыслов упускает, не все яркие моменты подчёркивает. Работа по этому критерию в целом выглядит как «четвёрка с минусом». В системе оценок по критерию «четвёрке» соответствует 20 баллов, «тройке» – 10 баллов. Соответственно, оценка выбирается проверяющим по шкале из 16-19 баллов. Такое «сужение» зоны выбора и введение пограничных оценок-«зарубок», ориентированных на привычную модель оценивания, поможет избежать излишних расхождений в таком субъективном процессе, как оценивание письменных текстов. Оценка за работу выставляется сначала в виде последовательности цифр – оценок по каждому критерию (ученик должен видеть, сколько баллов по каждому критерию он набрал), а затем в виде итоговой суммы баллов. Это позволит на этапе показа работ и апелляции сфокусироваться на обсуждении реальных плюсов и минусов работы.

Критерии:

1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман), последовательное и адекватное раскрытие этого смысла в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту. Максимально 30 баллов. Шкала оценок: 0 – 10 – 20 – 30.
2. Композиционная стройность работы и её стилистическая однородность. Точность формулировок, уместность цитат и отсылок к тексту произведения. Максимально 15 баллов. Шкала оценок: 0 – 5 – 10 – 15.
3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы. Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10.
4. Историко-литературная эрудиция, отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы. Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10 .
5. Стилистическая однородность работы, общая языковая и речевая грамотность (отсутствие языковых, речевых, грамматических ошибок). При наличии в работе грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок, затрудняющих чтение и понимание текста, обращающих на себя внимание и отвлекающих от чтения более 3 ошибок на страницу текста, работа по этому критерию получает ноль баллов. 0-1-3-5.

Примечание 1: сплошная проверка работы по привычным школьным критериям грамотности с полным подсчётом ошибок не предусматривается. Примечание 2: при наличии в работе речевых, грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок, затрудняющих чтение и понимание текста, обращающих на себя внимание и отвлекающих от чтения (в среднем более трёх ошибок на страницу текста), работа по этому критерию получает ноль баллов. Максимально 5 баллов. Шкала оценок: 0 – 1 – 3 – 5

Итого: максимальный балл – 70 баллов.

Примечание № 1

Направления анализа рассказа

В рассказе «Мгла», написанном молодым, но уже известным писателем Б.К. Зайцевым в 1904 году, автор вновь обращается к «волчьей» теме. Двумя годами раньше им был написан рассказ «Волки», в котором в фокусе писательского внимания была волчья стая, растерзавшая в порыве злобы и отчаяния своего вожака. В новом рассказе автор переключает читательское внимание не на хищников, а на тех, кто их преследует. Рассказ «Мгла» – это охотничий рассказ, художественным ядром рассказа становится охота на волка.

Мотив охоты – один из часто встречающихся в русской культуре, достаточно вспомнить картины художников, запечатлевших сцены охоты: В.Г. Перова («Охотники на привале», «Птицелов»), Н.Е. Сверчкова («Собака и заяц», «Охота на волка», «Охотники, застигнутые вьюгой»), полотна П.А. Суходольского, В.Г. Шварца и многих других.

В литературе мотив охоты появляется в произведениях А.П. Сумарокова, Р.Г. Державина. В литературе XIX в. он получает дальнейшее развитие: А.С. Пушкин не был охотником, но вот его герои отдают дань этому барскому удовольствию: охотятся и граф Нулин, и борзятник Троекуров. Страстными охотниками были И.С. Тургенев и Н.А. Некрасов.

Продолжительные походы с ружьём и собакой в поисках дичи по окрестным селам дали Тургеневу богатый жизненный материал. В 1852 году вышел сборник рассказов «Записки охотника», в котором создана широкая панорама народной жизни.

Страницы охоты в произведениях Л.Н. Толстого («Детство», «Война и мир», «Казаки») – это прекрасные картины русской природы, где свершается увлекательнейшее действие: поединок между человеком и животным. Толстой не только создал живые картины, полные движения, звуков, красок, запахов поздней осени, но раскрыл характеры героев в динамике и текучести психической жизни. Полны поэзии и ностальгии по уходящему времени расцвета дворянских усадеб картины охоты у И.А. Бунина в романе «Жизнь Арсеньева» и в рассказе «Антоновские яблоки».

В рассказе Б.К. Зайцева мотив охоты получает иное звучание. Так что же происходит? Человек преследует раненого волка, уходящего от него, настигает и жестоко добивает обреченное животное. Семантическим наполнением охоты становится не страсть, не расправа над злом, а убийство. Убийство жестокое и бессмысленное. Автор словно бы развеивает само состояние охоты, как увлекательного мужского занятия, в этой охоте нет ни задора, ни объединяющего людей азарта. Осталась слепая бессмысленная жестокость.

Рассказ называется «Мгла». Мгла – это не только общий фон зимней природы, в которой нет света, а есть человек, преследующий волка. Мгла – это пейзаж души, одинокой, погружившейся в сумеречное состояние, переходящее во Вселенскую тоску.

Состояние беспросветности, которое переживает герой, возможно, было отражением общей безысходности, царившей в обществе. Неслучайно в это время писатели создают произведения о социально сдвинутых характерах: М.Горький пишет пьесу «На дне», Л.Андреев рассказ «В подвале». Оба писателя чутко улавливают всеобщее неблагополучие в обществе, которое витало в воздухе накануне русско-японской войны. Жизнь человека кажется непоправимо порушенной. И ожидают его новые испытания. «Бесовщина» начинает править душами и миром. Чутко уловивший этот момент Ф. Сологуб пишет роман «Мелкий бес», в котором

речь идёт об утрате русским интеллигентом каких-либо признаков человечности.

Рассказ имеет кольцевую композицию. Точка начала и точка конца, а между ними событие, которое выявит скрытое, но очень важное в человеке. События начинаются и заканчиваются в одном месте. Событийный ряд выстраивается линейно. Вначале холодный неустроенный дом, в котором и «стакан стынущего чая со сливками», и «пахнет сапогами, табаком и охотой». После убийства волка охотник вместе с добычей возвращается в этот «ветхий, поскрипывавший от ветра, полуслепой – с двумя-тремя светившимися окнами», который выглядел жалкой развалиной». И немой судьёй свершившейся расправы будет старенькая кухарка Агафья, которая откликнется только жестом, выражающим сомнение в нужности произошедшего. Эпоха уходит, дворянская цивилизация исчезает, а с ней вместе мельчают характеры. И охота, в которой когда-то проявлялись удаль и молодечество, незаметно превратилась в бессмысленное преследование животного.

Цветовая гамма, используемая писателем, скупа и соотносится с названием рассказа. Для передачи чувств писатель часто использует контрастные краски. Черный и белый в данном рассказе не противоположны, белый не выступает в качестве носителя света, он лишь усиливает контрастность мрачного черного. Писатель использует ахроматические оттенки серого и голубого, помещая человека с его мрачными страстями в мир беспросветности.

Повествование ведётся от первого лица. Автор-повествователь вместе с собаками преследует и добывает раненого волка. В поединке человека и животного оба испытывают усталость: «он изнемог; я тоже измучен, но уж теперь ясно – кто-нибудь из нас должен свалиться...», но если волк пытается уйти от человека, то человек стремится настичь раненое животное.

Используя технику импрессионистского письма, писатель передаёт во всей полноте каждое мгновение борьбы человека и волка: «уши прижаты

назад, все тело сжалось для скачка, все, все для него теперь в том, чтобы выпрыгнуть на тот берег. Прыжок – но это уже и не прыжок, а предсмертная судорога – вместе со снегом оседает и он сам назад – и наконец. Теперь он сидит: передние лапы стоят, зад беспомощно увяз в снегу; морда обращена ко мне, а я все ближе и ближе и все яснее вижу эту шилообразную, оскаленную морду с треугольными, прижатыми назад ушами».

Кульминацией рассказа становится сцена расправы над животным. Эта сцена убийства волка выписана натуралистически и вызывает сострадание к беспомощному животному. «Теперь уже его серое тело крепко сидит на мушке моего ружья, – какое наслаждение! От первого выстрела, как от удара плетью, он весь передергивается, морда никнет в снег... Но он жив; он судорожно вытягивает еще в стороны то одной, то другой лапой. Увязая по пояс в снегу, подбираюсь ближе... Теперь уже, в десяти шагах, картечь шлепает тесной кучей, шерсть в одном месте разлетается, как пух подушки, закоптелый пыж валяется вблизи на снегу, и противное, истерзанное мясо вылетает, кровавая снег вокруг...». Человек, совершивший безнаказанную расправу, убийство, чем он отличается от животного?

Героя окружает безрадостная картина угасающего дня. «Все темнеет; ветер шуршит коричневыми листьями на меже; облака сошлись на небе уродливыми грудями, – бросают тягостный, аспидно-фиолетовый отсвет вниз. Пустынно и дико кругом». Он остаётся наедине со смертью.

Уходят все краски. Природа откликается сгущением тьмы: «глухая страшная ночь чернела вокруг нас и над нами, и было все равно, смотреть ли вверх, вниз или еще куда. Все вокруг было одинаково непонятно и враждебно нам».

Бессмысленное убийство совершилось. Человек проявил свою иную, беспощадную сторону души, нарушив гармонию между собой и Вселенной. В ответ ему открывается «неподвижное лицо Вечной Ночи», с глазами, в которых было «спокойное, величавое и равнодушное отчаяние».

Примечание № 2

Направление анализ стихотворения

В стихотворении С.Гандалевского «Что ж, зима, Белый улей распахнут...» ледяное дыхание приближающейся зимы, олицетворяющей надвигающуюся старость, конец жизни, становится главной темой произведения.

Поэт прибегает к традиционному приёму параллелизма, передавая через смену времён года этапы жизни человека. Стихотворение о быстро текущем времени, в котором парадокс времени заключается в том, что наша жизнь созвучна циклу, соответствующего временам года: рассвет – весна, – символизирует юность, она сменяется жарким летним полднем, который вынужден отступить перед гордой величавостью осени, а увядающая красота неминуемо становится жертвой зимних холодов. И в то же время хронологически может быть равно одному дню.

Вступительным аккордом, похожим на легкий выдох, является короткое безличное предложение. Облегчения ли? Сожаления ли? С. Гандлевский ведет разговор тихо («тихим светом», «шепнуть»), шёпотом, оркеструя строки приглушенно-глухими звуками («т», «с», «щ», «х»). Через метафоры распахивающегося улья-неба и сотни пчел-снежинок, которые медленно кружатся, читатель вступает диалог с автором, погружаясь в медитативное состояние лирического героя на сложном языке образов-символов.

Антитетично по отношению к насыщенной по-ноябрьски тьме оказывается свет юного снега.

Возрождая акмеистическую традицию, С.Гандлевский использует «мандельштамовскую» прямую речь (глагол 1 лица, мн. ч.), расширяя круг собеседников, которые собираются незримо. И неспешная беседа происходит за чашкой чая, а мы невольно становимся ее невидимыми свидетелями. Кто же таинственные собеседники С. Гандалевского? Возможно, поэты. К ним автор причисляет и себя («наши писанья»). Их абрис условен. Он создаётся с помощью всеобъемлющего глагола 3 лица, мн. ч. Невозможно не заметить

ярко выраженный оттенок контраста: гордое слово «призвание» обрывается иронично-горьким величанием поэта «весельчаком».

Квадратный рисунок растворившегося рафинада – дешевого сахара – это образ-воспоминание, сохранившееся лишь в памяти лирического героя. И неожиданно из лабиринта примет зимнего дня выступает картина русской зимы. И звучит главная тема произведения. Зима – олицетворяющая надвигающуюся старость и близкий конец жизни.

Как непредсказуем и странен ее приход! Последовательная цепочка однородных сказуемых: «проснутся», «ахнут», «помедлят», «молвят» – обозначают действия, которые являются естественной реакцией на ее наступление. Задумчивыми полутонами звучит минорный мотив противоречивого ощущения времени, построенный на фундаменте антитезы: жизнь быстротечна, «коротка», но ее финал длится парадоксально долго. Лирический герой обречён на воспоминания. Его уже «тянет» прощаться с читателем. Гандлевский продолжает пушкинскую традицию нелукавого разговора об уходящем времени, о неизбежности смерти («Пора, мой друг, пора»).

В поэтическом наследии XX века немало строк, посвящённых быстротекущему времени: известный бард и поэт А.Башлачев в стихотворении «Ты поутру взглянул...» задаётся вопросом: «...Разве ты заметил, как он прошел, единственный твой день?»

Итак, стихотворение С. Гандлевского – поэтический этюд прощания с летом – жизнью, с печалью – осенью, и в двух лаконичных катренах передаётся вечная тема неизбежности ухода. Тон диалога прост. Праздные метафоры, звонкие эпитеты и горделивые гиперболы остались стоять за кулисами повествования. Трёхсложный размер анапест передаёт ощущение неторопливого течения времени.

Цветовая гамма стихотворения близка к живописной технике гризайля: «белёсое небо», «вспышки снегопада» белые очертания растворившегося рафинада придают рельефность картине нагрывшей зимы.

Антитеза контрастных черно-белых красок (белые снег, сахар, черная тьма) обнажают смысл стихотворения, передающего противоречивость самой жизни – смерти.